

А.С. Гангеблов

**Воспоминания декабриста
Александра Семеновича
Гангеблова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.С. Гангеблов
А11 Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова / А.С. Гангеблов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 286 с.

ISBN 978-5-458-54544-0

Воспоминания А.С. Гангеблова принадлежат к лучшим повествованиям о той поре нашей истории, которая обыкновенно связывается с событием 14-го Декабря 1825 года и о тех обстоятельствах, которые предшествовали этому событию. Они могут быть поставлены на ряду с Записками Басаргина, Горбачевского и Якушина. Близкое наблюдение многих исторических лиц, трезвый и благожелательный образ мыслей, спокойное и в тоже время очень живое изложение, придадут этим Воспоминаниям особенную цену.

ISBN 978-5-458-54544-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОСПОМИНАНІЯ

Александра Семеновича Гангеблова.

Какъ я попалъ въ декабристы и что за тѣмъ
послѣдовало.

„.....Нѣтъ предмета болѣе достойнаго
вниманія, какъ знакомство съ внутрен-
нимъ бытомъ cadaго мыслящаго чело-
вѣка, даже и ничѣмъ не отличившагося
на общественномъ поприщѣ“.

Пироговъ.

Недавно мнѣ понадобилось навести справку
въ одномъ давнишнемъ тяжёбомъ дѣлѣ. Когда
я рылся въ старомъ бумажномъ хламѣ, мнѣ
попалась небольшая тетрадь, покрытая по-
желтѣлыми чернилами и исписанная моей ру-
кою, но рукой еще молодою, твердымъ почер-
комъ. Оказалось, что эта та тетрадь, въ кото-
рую, на мѣстѣ моей ссылки, *шестьдесятъ* лѣтъ
тому назадъ, я занесъ мои воспоминанія о той
тревожной эпохѣ, которая переломила жизнь
мою на-двое. Воспоминанія эти были тогда у

меня совершенно свѣжи, какъ по недавности происшествій, къ которымъ они относились, такъ и потому, что, въ продолженіи двухъ-недѣльнаго переѣзда отъ Петербурга до мѣста ссылки, въ моей памяти то и дѣло проносились цѣлыя вереницы недавнихъ еще событій. По выходѣ въ отставку въ 1832 году, я во дворился въ деревнѣ, гдѣ чаялъ свободно вздохнуть и успокоиться. вмѣсто этого, я встрѣтилъ такую массу хлопотъ и непріятностей, что мнѣ было не до воспоминаній о минувшемъ, и рукопись мою я положилъ подъ спудъ; но куда именно я ее спряталъ, вспомнить не могъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того два раза пытался я тетрадь эту отыскать, но безуспѣшно. Такъ я и остался при томъ, что моя тетрадь совсѣмъ затерялась, и о ней почти забылъ.

Послѣ этого понятно, какъ для меня радостна была эта находка и съ какимъ нетерпѣніемъ я на нее накинулся и ее прочелъ! Къ ея автору я не могъ, конечно, отнести иначе, какъ совершенно объективно, какъ къ лицу постороннему, котораго когда-то давно, очень давно я зналъ. Не менѣе того сердце мое болѣзненно сжалось, когда я перевернулъ послѣд-

ній листокъ рукописи. Такъ-то бесплодно протекли мои дни! подумалъ я. Вотъ я уже переживаю 85-й годъ моей жизни, а никому—ни себѣ, ни обществу людей не принесъ я пользы ни на іоту! И отчего? Отъ одного неосторожнаго слова, отъ одной минуты ложнаго стыда, отъ слѣпой довѣрчивости къ людямъ, отъ вѣтренной надежды, что еще успѣю поправить испорченное дѣло. А жаль! Молодой человѣкъ, тогдашній я, по своимъ врожденнымъ качествамъ, могъ бы претендовать на лучшую участь: въ немъ много было добрыхъ задатковъ. Въ этомъ трудно усомниться, выслушивая его тогдашнюю исповѣдь самому себѣ. Конечно, свои записки онъ велъ собственно для себя, не думая когда-либо предать ихъ гласности: въ то время о декабризмѣ не только говорить, но и подумать было страшно. Да и погибъ-то онъ отчего, какъ не отъ тѣхъ же добрыхъ качествъ! Онъ не выдержалъ, онъ разразился злобой и негодованіемъ, когда ему *сдумали* воочію доказать вѣроломство противъ него его товарищей. Надо думать, что они, какъ «люди умные», держались ученія: цѣль оправдываетъ средства. Въ такомъ случаѣ, они, конечно, правы.

Впечатлѣніе, произведенное на умы декабрьскими событіями, долго не ослабѣвало въ обществѣ; на декабриста, къ какой бы онъ категоріи ни принадлежалъ, смотрѣли какъ на какого-то полубога. А между тѣмъ, сколько между этими полубогами можно было встрѣтить посредственностей, менѣе чѣмъ посредственностей! Съ инымъ не успѣешь двухъ словъ сказать, чтобы не подивиться: какъ этотъ человекъ могъ попасть въ такую среду! О, сколько разочарованій испытало бы Русское общество, еслибъ архивы Слѣдственной Коммиссіи по декабрьскому дѣлу сдѣлались общедоступны! Положимъ, такіе господа приняты были въ тайное общество лишь для увеличенія его грубой физической силы; но сила эта, вербовалась ли она въ услуженіе тѣмъ только изъ фанатиковъ своей идеи, которые безъ задней мысли мечтали быть работниками на благо (какъ они думали) человѣчества, или на нее, на эту силу, иные изъ вожаковъ декабризма рассчитывали какъ на орудіе своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей? Да, были и такіе. Даже главный изъ понесшихъ высшую кару заговорщиковъ не свободенъ былъ отъ такой слабости: онъ имѣлъ заранѣе въ виду отдать на

жертву одного изъ своихъ соумышленниковъ ради своей личной безопасности. Я говорю это не на вѣтеръ: я это слышалъ, какъ далѣе будетъ видно, изъ устъ самой заранѣе намѣченной жертвы.

Взглянувъ на подпись моей статьи, читатель можетъ быть подумаетъ: «И охота этимъ господамъ, нигдѣ и ничѣмъ не заявившимъ о своемъ существованіи, охота имъ навязывать публикѣ свои какія-то воспоминанія! Кому они нужны?» Это такъ: въ самомъ дѣлѣ, я задумалъ напечатать мои записки исключительно въ видахъ моего личнаго интереса, и это вотъ почему. Еслибъ исторію, мною рассказанную, составить лишь по документамъ Слѣдственной Коммиссіи, т. е. по однимъ голымъ фактамъ, безъ вниманія къ тѣмъ невольнымъ побужденіямъ, кои выдвинули факты эти наружу, то мое поведеніе во время слѣдствія представится всесторонне-предосудительнымъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія; но съ тѣхъ поръ какъ въ печати стали появляться свѣдѣнія о декабристахъ, я порывался заговорить и о себѣ. У меня не стало на это рѣшимости, такъ какъ я не имѣлъ твердаго руководства для моего рассказа; ибо, по прошествіи слишкомъ сорока

пяти лѣтъ со времени исчезновенія моей рукописи, многое могло вылетѣть изъ моей памяти. Между тѣмъ мысль, что послѣ моей смерти, вѣроятно уже недалеко, некому будетъ за меня ходатайствовать, меня тяготила. Теперь же, когда тетрадь моя отыскалась, да будетъ она моимъ защитникомъ, моимъ адвокатомъ!

Наибольшій и, смѣю сказать, несомнѣнный интересъ настоящаго разсказа представляетъ вторая его глава. Въ одномъ изъ эпизодовъ этой главы выступаютъ нѣкоторыя черты великаго характера императора Николая, и выступаютъ тѣмъ явственнѣе, что онѣ вызваны были дѣломъ относительно маловажнымъ, именно по поводу виновности не болѣе какъ оберъ-офицера. Первая глава служитъ второй главѣ только какъ бы иллюстраціей и знакомить читателя съ пишущимъ, что́ далеко не лишнее тамъ, гдѣ этотъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствующее лицо въ его повѣствованіи. Въ третьей главѣ среди нѣсколькихъ походныхъ замѣтокъ, приводятся случаи моихъ встрѣчъ съ декабристами въ Закавказскомъ краѣ.

Меня будетъ счастливить мысль, что иной отецъ семейства, прослушавъ мою повѣсть, призадумается надъ воспитаніемъ своего сына.

И з ъ п а м я т и .

Пажемъ.—Камерпажемъ.—Въ гвардіи.

Въ сраженіи подъ Бауценомъ мой отецъ былъ тяжело раненъ. Государь Александръ Павловичъ тотчасъ послалъ къ нему спросить, чего онъ желаетъ. Раненый пожелалъ, чтобы одинъ изъ его сыновей былъ принятъ въ пажи. Черезъ годъ съ небольшимъ я былъ представленъ къ мѣсту моего назначенія.

Въ то время Пажескій корпусъ былъ не то, чѣмъ онъ сталъ съ воцареніемъ императора Николая, и потому нѣсколько словъ объ этомъ учебномъ заведеніи не будутъ излишни.

Личный составъ корпуса состоялъ изъ четырехъ *«отдѣленій»* пажей, отъ 35 до 40 воспитанниковъ въ каждомъ отдѣленіи. Отдѣленіями завѣдывали штабъ-офицеры, которымъ не было присвоено названія, отвѣчающаго ихъ обязанностямъ. Хотя они и носили военный мундиръ, но въ фрунтовомъ обученіи пажей вовсе не участвовали: этимъ дѣломъ завѣдывалъ старшій изъ нихъ, начальникъ особаго, камерпажескаго отдѣленія. Всѣ эти ближайшіе начальники были люди конечно благонамѣренные, но по степени

своего образованія не могли вполнѣ отвѣчать той роли, которую на себя приняли: они слѣдили за внѣшними порядками корпусной жизни, и только; они не заводили съ воспитанникомъ рѣчи о томъ, что ожидаетъ его за порогомъ школы, не интересовались его наклонностями, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ его рукахъ; да еслибъ и заглянули въ иную изъ нихъ, то едва ли бы сумѣли опредѣлить, на сколько книга эта полезна или вредна. Отсутствіе такого контроля отозвалось весьма печальнымъ событіемъ, о которомъ будетъ говорено далѣе.

Учебная часть страдала едвали не бѣльшими недостатками. Ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней уваженіе. Методъ изученія заключался въ тупомъ долбленіи наизусть; о какомъ нибудь приложеніи къ практикѣ и намеку не было. Въ *одинъ* изъ каникулярныхъ дней, весь второй классъ (Пажескій) отправлялся съ учителемъ ситуационнаго рисованія и при одномъ изъ «надзирателей» на Гутуевъ островъ для геодезической практики; да и тутъ дѣломъ занимались пажи не болѣе часовъ двухъ, остальное время гуляли въ разбродъ по острову

и обѣдали въ мѣстномъ трактирѣ. Въ залѣ, гдѣ помѣщался камерпажескій классъ, отгороженъ былъ рѣшеткою большой накрытый клеенкой столъ съ фортификаціонными моделями. Рѣшетка эта была заперта на ключъ; за все то время, что я былъ въ корпусѣ, мы только по слуху знали, что подъ клеенкой хранятся модели. А потому, за весьма и весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобъ знать что-нибудь, а для того, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась Исторія: это было лишь сухое перечисленіе фактовъ, безъ упоминанія о нравахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ народной жизни. Къ тому же насъ учили только Русской и Древней Исторіи; объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ и Исторіи новѣйшей мы и не слышали. Объяснить это можно развѣ тѣмъ только, что находили достаточнымъ, если мы будемъ настолько свѣдущи въ Исторіи, чтобъ судить о произведеніяхъ искусствъ, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Эти недостатки въ жизни Пажескаго корпуса какъ бы усиливались излишествами съ другихъ сторонъ. Дортуары не отличались тѣмъ при-

способленіемъ къ цѣли, какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ нихъ еще оставались призраки великолѣпія дворца графа Воронцова, превосходно росписанные плафоны съ сюжетами изъ Мифологіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ кормили пажей слишкомъ жирно: кто теперь повѣритъ, что къ обѣду и къ ужину подавалось по пяти блюдъ ¹⁾?

Вотъ почему оба великіе князя смотрѣли на камерпажей какъ на людей избалованныхъ, и когда наставало время выпуска изъ корпуса, то великіе князья принимали ихъ въ свои полки крайне неохотно. Не смотря на то, что камерпажу предоставлялось право свободно выбрать мѣсто служенія, великіе князья, то полу-шутя, то полу-серьезно, грозили камерпажамъ своимъ неблаговоленіемъ и прямо объявляли имъ, чтобъ никто изъ нихъ не смѣлъ выходить въ тѣ полки, которые состояли подъ ихъ начальствомъ ²⁾. Въ нашъ выпускъ Николай Павловичъ соизво-

¹⁾ Съ воцареніемъ императора Николая вся эта роскошь уничтожена; живописные плафоны сняты, а обѣдъ и ужинъ сведены съ пяти на три блюда.

²⁾ Въ бригадѣ Михаила Павловича состояли полки Преображенскій и Семеновскій; а у Николая Павловича Измайловскій (котораго онъ былъ шефомъ) и лейбъ-егерскій.